

Лобачевский просил о выдаче ему из Д[епартамента] н[ародного] п[росвещения] жалованья за сентябрьскую треть, за вычетом на госпиталь 925 р. Я отнесся о сем в Деп[артамент], который ныне уведомил меня, что деньги сии выданы г. Лобачевскому.

Вследствие сего предлагаю Правлению помянутую сумму девятьсот двадцать пять рублей отправить немедленно в Департамент.

Подлинное подписан:

Попеч[итель] Каз[анского] у[чебного] округа Михаил Магницкий.

Отпуск на рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Деп. н.п. От попеч. Каз. у.о. В С.П.б. 10 января 1822; № 23. О высылке в Деп. н.п. 925 р., выданных проф. Лобачевскому».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821., № 186, л. 11.

140

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому
30 января 1822

Г. Н. Лобачевского Вы сами изволили видеть и знаете его лучше меня.¹ Удивительно мне кажется, что он с г. Симоновым разделили все предметы физики и математики так, что первый преподавать будет физику и некоторые части прикладной математики, а второй чистую математику, как то статику, геодезию и о фигуре земли, теоретическую и практическую астрономию, кораблестроение и кораблевождение, противно прежнему порядку; ибо доныне г. Лобачевский всегда обучал чистой математике и некоторое время физике, а г. Симонов астрономии. А теперь выходит, что г. Лобачевский займет собственно одну кафедру, то есть физики с положенным за то жалованием (ибо кафедра прикладной математики представлена мне), а г. Симонов три кафедры и сверхъ того обещается обучать кораблестроению и кораблевождению, для которых учреждены морской кадетский корпус и корабельное училище. Г. Симонов больше набрал себе предметов, нежели пройти может, как должно, в чем думаю уверится на самом опыте [...] Помню, что г. Симонов у меня был первым отличным студентом, каких с того времени, кроме Токарева, не бывало, помню также и весь ход воспитания г. Лобачевского, наделенного от господ спасительными блестящими, известно мне, что они знают и что не знают. До сего времени кроме похвальных от них отзывов начальству я не делал. Но замечаю, что они начинают платить за то железом, чему впрочем и быть должно, судя по общему порядку вещей. Они уже подросли, заняли важные степени и один из них отличился в дальнем морском путешествии, а я осужден назад тому лет 12-ть заниматься только письмоводством, а потому немудрено им возноситься своими успехами в математике, которые однако же время поверят гораздо строже, нежели их собственное

¹ Было: видеть, а потому мне и не нужно изъяснять более о его характере.

мнение. Бывают и в науках повороты, что и случилось с философией, а может быть дойдет и до математики вышней.¹ До прибытия их в Университет неможно сделать без длинной переписки порядочного расписания, как, что и когда им проходить, ибо присланная от них на четвертинке записка необстоятельна, в которой предположения г. Лобачевского, что он проходит будет из физики в нынешний академический год несообразны с постановлением Совета о разделении преподавания физики на три года, с чем и он был тогда согласен. Я пришел бы в восхищение, ежели обнял их как истинных христиан, как братьев, но не надеюсь насладиться сим счастием. Вольнодумство подобно такой болезни, которая чем более свирепствует, тем более укореняется до последнего предела, когда исполнится вся мера злобы. Бывают правда обращения необыкновенные. Тьма вообще бессильна по ее ничтожеству. Блеснет свет господа Иисуса Христа, и она мгновенно во свет преобразится, какового счастия и им всеусердно желаю, чтобы они были выше, выше, а я ниже, ниже. Между людьми высокими истинно просвещенными и неразумному грешнику хорошо, тогда и он просветлеет [лл. 2 об. — 3].

Г. Резанов, по мнению моему, основанному на 16-ти летних замечаниях, есть человек божий, и молодым и самомнительным г-м Симонову и Лобачевскому не под стать. Им кажется, что они уже все знают, и нет никого ни краше, ни умнее их, а в глазах г. Резанова вся их мудрость и денежки не стоит. Оставался один только способ подойти к нему, выслушать его без гордости со вниманием и поверить, и ежели в чем окажется сомнение, учтиво изъяснить его и просить разрешения. А они верно приходили не учиться, а испытывать или искушать, что св. писанием не всегда дозволяется «не искушай, да не искушен будеши». Он заправду не пожалел ни чести, ни имени, ни места своего, и как мне достоверно известно не щадит и не пощадит и жизни своей. Он сделался юродом для мудрецов века сего, а может быть мудрым для бога. Правда высокоумным людям глаза колет, что вероятно случилось и с нашими господами. А Вас он очень любит; ибо по его выражению: *видит в особе Вашей² образ Иисуса Христа*, или как понимать должно пламенную любовь к богу, что весьма драгоценно, или справедливее сказать неоценено [л. 4].

Я имел счастие видеть и слышать Вашу силу в слове и деле; а потому надеюсь, что г-да Симонов и Лобачевский выдут из Вашей школы по-смирнее [л. 4 bis].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019. лл. 2 об., 3, 4 и 4 bis. Черновое.

¹ Эта фраза написана.

² Было: в Вас